

УДК 94 (47)

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ВОЛКОВА Екатерина Александровна,кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории,
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет;**ПЕРЕПЕЛИЦЫН Александр Викторович,**доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. *Анализируется оценка восточной политики России в художественных и публицистических произведениях Ф.М. Достоевского. Писатель исходил из того, что восточный вопрос для России уходил своими корнями в далёкое историческое прошлое – ко времени Московского царства и Ивана Грозного. При Петре Великом восточный вопрос приобрел для России самостоятельное значение. Во второй половине XIX в. Россия достигла достаточного военно-политического влияния для непосредственного участия в разрешении восточного вопроса, приступила к осуществлению стратегического курса на Балканах, вступив в 1877 г. в войну с Турцией за освобождение славянских народов Балканского полуострова. Автор приходит к выводу, что многое из достигнутого русской дипломатией в те годы в реализации восточной политики не удалось сохранить и приумножить. Не сбылись мечты Ф.М. Достоевского о формировании Всеславянского союза, о присоединении к России Константинополя и т.д. Однако размышления*

Ф.М. Достоевского о роли России в решении восточного вопроса остаются актуальными до сегодняшнего дня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Ф.М. Достоевский, исторические взгляды, восточный вопрос, история России, внешняя политика России.*

VOLKOVA E.A.,Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Sociology and History,
Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering;**PEREPELITZYN A.V.,**Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian History,
Voronezh State Pedagogical University

EASTERN POLICY OF RUSSIA IN FICTION AND NONFICTION WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY

ABSTRACT. *The article analyzes the evaluation of Russia's eastern policy in fiction and nonfiction works of F.M. Dostoyevsky. The writer proceeded from the fact that the Eastern question for Russia was deeply rooted in the distant historical past - the time of Moscow Kingdom and Ivan the Terrible. Under Peter the Great the Eastern question acquired an independent significance for Russia. In the second half of the XIX century, Russia gained sufficient military and political influence to directly participate in the settlement of the Eastern Question, launched a strategic course in the Balkans, joining in 1877 the war against Turkey for liberation of Slavic peoples of the Balkan Peninsula. The author concludes that much of what had been achieved by Russian diplomacy in realization of Eastern policy in those years failed to be maintained and multiplied. Dostoevsky's cherished aspiration for founding Slavic Union, annexation of Constantinople to Russia and etc. didn't pan out. Nonetheless, Dostoevsky's assumptions about the role of Russia in solving the Eastern question do not lose their topicality to this day.*

KEY WORDS: *Dostoevsky, historical views, Eastern question, history of Russia, Russian foreign policy.*

В творчестве Ф.М. Достоевского большое внимание уделялось восточной политике Российского государства, ставшей важнейшим направлением его внешнеполитического курса. В разные периоды содержание так называемого восточного вопроса претерпевало изменения. В допетровской России он являлся фактором освоения новых территорий и расширения восточных границ Московского царства. Именно с Ивана IV началось присоединение к России земель Поволжья и Урала,

на что указывал Ф.М. Достоевский: «Молодой царь Иван Васильевич, тогда еще не Грозный, решил кончить с этим тогдашним Восточным вопросом и взять Казань» [1, т. 23, с. 120]. При этом писатель отмечал гуманное отношение российской власти к коренному населению Казанского ханства. Русский царь никого не выселил из Казани, население сохранило право заниматься торговлей и традиционными хозяйственными делами, единственное, что

«отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство» [1, т. 23, с. 120].

В дальнейшем восточный вопрос становится постоянной проблемой российской политики. Достаточно назвать Прутский поход и персидские походы Петра I. В связи с этим Ф.М. Достоевский отмечал, что «Восточный вопрос – есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени» [1, т. 26, с. 30]. В XVIII – первой половине XIX вв. Россия вела длительные войны с Персией и Турцией за усиление своего влияния на южных рубежах. Особое значение и многоаспектность восточный вопрос приобрел с середины XIX в. [2, с. 3].

В это время восточный вопрос в международной политике представлял собой сложный комплекс взаимоотношений и глубинных противоречий между великими державами и азиатскими, африканскими и европейскими территориями, а также проливами, находившимися под контролем Османской империи. Содержание восточной политики Европы составляло установление колониального господства европейских государств над народами Азии и Африки. Как уже отмечалось, восточный вопрос вызревал в течение нескольких столетий из объективных условий эволюции Запада и Востока, России и Востока. В своих публицистических произведениях Ф.М. Достоевский называл восточный вопрос «бесконечным Восточным вопросом» [1, т. 23, с. 38]; «вечно неразрешимым Восточным вопросом» [1, т. 23, с. 43], «страшным Восточным вопросом» [1, т. 25, с. 74].

Ф.М. Достоевский стремился более точно определить, исходя из коренных интересов России, содержание и пространственно-временные границы восточного вопроса. «Взгляд на Восточный вопрос должен принять несравненно более определенный вид и для всех нас. Россия сильна народом своим и духом его, а не только лишь образованием, например, своим богатством, просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы, ставших за дряхлостью и потерей живой национальной идеи совсем искусственными и как бы даже ненатуральными» [1, т. 24, с. 62], – писал он. При этом восточный вопрос, по мнению автора, был критерием российской духовности и нравственности, тесно связывался с «историей нашего самознания» [1, т. 21, с. 9], к тому же у России «нравственные интересы в Восточном вопросе пересилили материальные» [1, т. 24, с. 295].

Писатель обращал внимание на геополитическое положение России как страны, расположившейся на территории Европы и Азии. «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [1, т. 27, с. 33], – отмечал он в очерке «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?». В этом отношении писатель может рассматриваться в качестве предшественника российского евразийства [3].

Ф.М. Достоевский четко показывал отличие западного (европейского) вектора политического курса Российского государства от азиатского направления внешней политики. Будущее России, считал он, – в Азии: «Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им,

мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями. Но от окна в Европу вернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем... Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо. Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо!» [1, т. 27, с. 35]. Он акцентировал внимание на огромных богатствах, находящихся в Азии, значении выхода к Тихому океану.

Ф.М. Достоевский поддерживал усилия России по освоению Сибири и Дальнего Востока, продвижению в Среднюю Азию, показывал, что это открывало для страны новые геополитические возможности. Кроме того, писатель считал, что богатые природные ресурсы Сибири и Дальневосточного региона могут принести большую пользу стране [1, т. 27, с. 79]. Он приветствовал успехи российской дипломатии и армии в присоединении Средней Азии к России. «Русская среднеазиатская политика твердо может теперь надеяться достигнуть вполне своих целей» [1, т. 21, с. 141], – отмечал он. В очерке «Иностранные события» он подчеркивал международное значение этих событий: «У нас и в Европе... даже и Англия стала, наконец, смотреть на успехи наши в Азии с несколько большею к нам доверчивостью» [1, т. 21, с. 141]. Особенно высоко писатель оценивал успехи Российской армии. «Покорение хивинского хана еще раз заставило русских гордиться своею армией, а в Европе, где на этот раз сумели оценить важность события, подвиг русских войск возбудил даже удивление. Факт, что Европа удивляется наконец русскому воину» [1, т. 21, с. 242].

Присоединение Средней Азии к России имело положительные последствия. В регионе прекратились кровопролитные междоусобные, родоплеменные и феодальные войны, были уничтожены работорговля и рабство, началось строительство железных дорог, новых городов, более открытым и веротерпимым стало местное общество. «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия» [1, т. 27, с. 37], – отмечал Ф.М. Достоевский.

Во второй половине XIX в. содержание восточного вопроса было связано с решением ряда других острых международных проблем. Стояла задача освобождения родственных христианских (большей частью православных) славянских народов Балканского полуострова от османского ига. Русский народ понимал данный аспект восточного вопроса с позиции освобождения всего православного христианства и создания единой церкви [1, т. 25, с. 73]. Сам писатель также связывал восточный вопрос с судьбами православия, с судьбами живших на Востоке православных христиан. Россия «будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его. ... Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России» [1, т. 26, с. 85].

Федор Михайлович хорошо понимал остроту восточного вопроса, его влияние на ход европейских и российских событий: «Загорелся Восточный вопрос, загорелся он и во всей Европе тотчас же,

как и у нас, даже раньше» [1, т. 25, с. 144]. С восточным вопросом писатель связывал судьбу России в будущем: «Этот страшный Восточный вопрос – это чуть не вся судьба наша в будущем» [1, т. 21, с. 9]. Западные державы нацелились на раздел наследия Османской империи, которая к этому времени представляла собой «больного человека». В свою очередь Россия стремилась усилить свое влияние на Ближнем Востоке и установить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Западная Европа с тревогой следила за проведением Российской империей восточной политики, делая ставку на поддержку Турции в борьбе против России. «Парижским трактатом 1856 года, – писал в своих мемуарах российский генерал, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эдуард Васильевич Экк, – Турецкая империя была включена в сонм великих держав. Но это включение счастья ей не принесло. ... Турция оказалась банкротом» [4, с. 61]. Используя противоречия среди европейских государств, Россия достаточно быстро преодолела негативные последствия Парижского мирного договора и приступила к осуществлению задуманных планов. «Россия уже не может отказаться от движения своего на Восток» [1, т. 24, с. 62], – сделал вывод Ф.М. Достоевский.

Восточная тематика получила широкое освещение в публицистических произведениях Ф.М. Достоевского в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Восточный кризис 1875–1878 гг. был связан в первую очередь с подъемом национально-освободительного движения славянских народов против Османской империи. Размышляя о причинах резкого обострения ситуации на Балканах, в очерке «Восточный вопрос» Ф.М. Достоевский говорил о росте насилия, о том, что там произошла «вспышка мусульманского фанатизма, ужасное избивание башибузукими и церкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стриков, женщин и детей – всё это разом зажгло и двинуло войну» [1, т. 23, с. 44].

Тема насилия над славянскими народами со стороны турок неоднократно поднималась Достоевским в «Дневнике писателя». В очерке «Самое последнее слово цивилизации» он отмечал: «В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, церкви разбираются в щепы, все сводится поголовно – и это дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизации. Это уничтожение систематическое; это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно во время смуты и беспорядка войны... Нет, тут система, это метод войны огромной империи. Разбойники действуют по указу, по распоряжению министров и правителей государства, самого султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация смотрит с нетерпением... «когда же это передавят этих клопов» [1, т. 23, с. 61]. Как видим, эти слова писателя очень подходят к характеристике современной ситуации, когда Запад попустительствует всевозможным радикальным исламистским террористическим организациям.

Российское правительство оказывало действительную помощь славянским народам Балкан в освобождении от турецкого ига. Русское общество сплотилось вокруг славянского вопроса. Кроме правительства, в этом благородном деле участвовала Русская православная церковь. Покровская община сестер

милосердия приняла сербских и болгарских детей, о чем Ф.М. Достоевский писал в очерке «Самозванные пророки и хромые бочары» [1, т. 25, с. 38]. Писатель с грустью констатировал, что сербские и болгарские дети в этой общине отказывались играть друг с другом – сербы обвиняли болгар в том, что они плохо сражались с турками.

Решение восточного вопроса для России Ф.М. Достоевский тесно связывал с идеей объединения славянства. «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся» [1, т. 25, с. 9], – писал он в очерке «Три идеи». Славянский вопрос писатель считал лишь одним из этапов на пути полного решения всего Восточного вопроса. «После разрешения Славянского вопроса, – писал он в очерке "Одно совсем особое словцо о славянах", – России, очевидно, предстоит окончательное разрешение Восточного вопроса» [1, т. 26, с. 81]. Вместе с тем писатель полагал, что, будучи инициатором и лидером объединения славянских народов, Россия не будет навязывать им собственные идеи и пути эволюции.

Ф.М. Достоевский обращал внимание на стремление правящих кругов ведущих государств Западной Европы не допустить усиления позиций России на Балканах. «Европа придумала мечту, – писал он. – Турция. Главное, ей надо было унижить Россию» [1, т. 21, с. 9]. Запад всячески препятствовал тому, чтобы Россия в полной мере воспользовалась результатами собственной победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Свидетельством такого положения стали итоги Берлинского конгресса 1878 г., существенно снизившие положительные последствия военной победы над Турцией для России и славянских народов. «Огромный английский флот стоит у Константинополя ... из политических соображений, а вернее – на всякий случай. У Австрии уже готова огромная армия – тоже на всякий случай. Австрийская пресса раздражительно относится к восставшим сербам и – к России» [1, т. 23, с. 51], – рассуждал писатель о внешнеполитических проблемах в очерке «Опять о женщинах».

К концу 1877 г. Ф.М. Достоевский, предвидя скорую победу России в войне с Турцией, анализировал варианты будущего политического устройства Европы. При этом он постоянно примерял судьбу России к будущему мироустройству. Необходимо «такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов. ... Константинополь не может миновать России», – писал он в очерке с характерным названием «Еще раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш» [1, т. 25, с. 67].

Федор Михайлович полагал не только возможным, но и необходимым переход Константинополя под контроль России. В этом стремлении писатель шел даже дальше российской дипломатии. «Константинополь, – писал он в очерке "Толки о мире", – должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать, а мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян, и кого захотим, еще сверх того, на самых широких основаниях» [1, т. 26, с. 83]. Основываясь на результатах русско-турецкой войны, Ф.М. Достоевский отстаивал стратегическую для внешней политики России

задачу овладения Константинополем: «Константинополь – рано ли, поздно ли, должен быть наш» [1, т. 23, с. 48]. Он оставался приверженцем этой идеи до последних лет своей жизни [5]. Константинополь рассматривался Ф.М. Достоевским как форпост славянства на востоке: «Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и всех восточных народностей, не различая их с славянами» [1, т. 25, с. 85].

Восточный вопрос был настолько сложным, что вносил разногласия и раскол в политику европейских держав. Англия, Германия, Австрия, Россия имели собственные геополитические интересы на Востоке. «Каждый раз, именно с Восточного вопроса вся Европа из видимого целого, тотчас же и слишком уж явно, начинает распадаться на свои личные, отдельно-национальные эгоизмы» [1, т. 23, с. 108], – писал Ф.М. Достоевский в очерке «Piccola bestia». Он призывал учитывать резко возросшее значение в международных делах объединенной Германии, которой отводил главную роль в решении восточного вопроса: «Восточный вопрос теперь в Берлине, да и всё теперь таится и гнездится в Берлине» [1, т. 24, с. 143]. Фёдор Михайлович хорошо понимал агрессивный характер европейских держав. «Вся суть Восточного вопроса в эту минуту заключается в союзе Германии с Австрией, да еще в австрийских захватах Турции, поощряемых князем Бисмарком» [1, т. 27, с. 39].

Ф.М. Достоевский неоднократно подчеркивал всемирно-историческое значение восточного вопроса. «Восточный вопрос есть... один из мировых вопросов, один из главных отделов мирового и ближайшего разрешения судеб человеческих, новый грядущий фазис этих судеб» [1, т. 25, с. 144], – писал он в очерке «Дипломатия перед мировыми вопросами». «С разрешением Восточного вопроса выдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая ... не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно» [1, т. 25, с. 9].

На основе изучения обстановки на Балканах Ф.М. Достоевский предчувствовал возможное перерастание войны России против Турции в войну против Европы. «Россия обнажает меч против турок, но, кто знает, может быть, столкнется и с Европой» [1, т. 25, с. 127], – писал он в очерке «Признания славянофила». «Восточная война, – провидчески отмечал писатель в очерке "То да не то", – может в самом скором времени обратиться во всеевропейскую» [1, т. 26, с. 16]. При этом Ф.М. Достоевский обосновывал идею особой освободительной и созидательной миссии России на Востоке. В очерке «Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе с своей точки зрения» (мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г.) он

рассуждал об усилении роли России в исторических судьбах Востока: «Весь русский народ совершенно подтвердил новое назначение России и царя своего в грядущих судьбах всего Восточного мира» [1, т. 24, с. 68].

В силу своих монархических взглядов Ф.М. Достоевский полагал, что русский император мог бы стать правителем Востока, не расшифровывая, однако, это понятие. «Меч России уже несколько раз сиял на Востоке в защиту его. Само собою, что и народы Востока не могли не видеть в царе России не только освободителя, но и будущего царя своего» [1, т. 25, с. 67]. Более того, Достоевский стремился распространить власть российского императора не только на славянский, но и на весь мусульманский мир: «Русский царь есть царь и повелитель всего мусульманского Востока. Пусть приучаются к этой мысли в Константинополе» [1, т. 27, с. 86].

Размышляя о роли восточного вопроса в судьбах цивилизации, Ф.М. Достоевский в очерке «Кто стучится в дверь?» отмечал: «Восточный вопрос и восточный бой силою судеб сольется тоже с всеевропейским боем. ... Я уверен, что бой окончится в пользу Востока, в пользу Восточного союза, что России бояться нечего, если Восточная война сольется с всеевропейской» [1, т. 26, с. 22]. Писатель неоднократно повторял, что «бой окончится в пользу Востока и России» [1, т. 26, с. 181]. В этом проявлялись идеализированные оценки Федором Михайловичем российской политики на Балканах исключительно как борьбы за освобождение славянских народов, за торжество христианства: «Русский народ... весь как один человек хочет, чтоб великая цель войны за христианство была достигнута» [1, т. 26, с. 44]. Писатель резко выступал против искажения роли России в проведении восточной политики. Он давал отповедь различного рода измышлениям западных политиков и журналистов по этому поводу. Так, в очерке «О воинственности немцев» писатель решительно протестовал против клеветнических выпадов германской прессы о том, что «русские хотят захватить Восток и славян» [1, т. 23, с. 61].

Итак, в художественных и особенно публицистических произведениях Ф.М. Достоевского уделялось большое внимание различным аспектам восточной политики Российского государства, участию России в решении восточного вопроса. Писатель исходил из того, что восточный вопрос для России имел глубокие исторические корни. События, современником которых являлся писатель, убеждали его, что Россия приобрела достаточное военно-политическое влияние для благоприятного разрешения восточного вопроса и на этой основе стратегического выхода в лидеры мирового исторического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 тт. [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1985.
2. Чернов, С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875–1878 гг. [Текст] / С.Л. Чернов. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1984.
3. Сентов, М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.М. Сентов. – Магнитогорск, 2010.
4. Экк, Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918 [Текст] / Э.В. Экк. – М. : Кучково поле, 2014.
5. Белова, К.А. Константинополь и «Третий Рим» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877) [Текст] / К.А. Белова // Восток в русской литературе XVIII – начала XIX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М., 2004.